

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.1.09-3+929 Ларошфуко

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ В «МЕМУАРАХ» ГЕРЦОГА ЛАРОШФУКО

С. Ю. Павлова

Саратовский государственный университет
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

В статье на материале мемуаров Ларошфуко рассматривается соотношение частного и публичного во французском придворном обществе второй половины XVII в., прослеживается изменение удельного веса тем, связанных с частной жизнью, анализируются приемы ее изображения.

Ключевые слова: мемуары, французская литература XVII в., Ларошфуко, статус аристократии, частная жизнь, галантность.

Private Life in the *Memoires* by Duke La Rochefoucauld

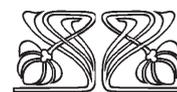
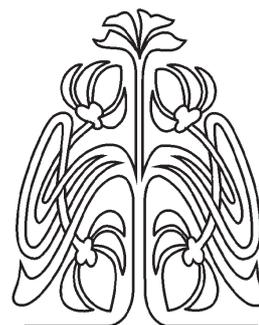
S. Yu. Pavlova

In the article the correlation of the private and the public in the French court society of the second half of the XVIIth century is considered; the changes in the share of the themes touching upon private life are traced; the means of its depiction are analyzed.

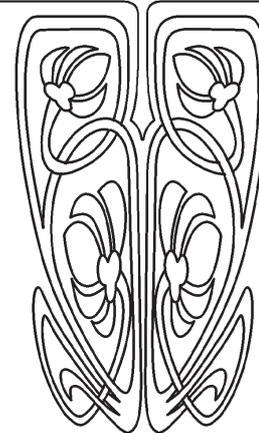
Key words: memoires, French literature of the XVIIth century, La Rochefoucauld, status of aristocracy, private life, gallantry.

«Мемуары» (1662) герцога Ларошфуко представляют собой одну из ярких страниц в истории французской литературы XVII в. Они получили широкую известность еще при жизни автора¹ и продолжают оставаться показательным образцом мемуарной прозы эпохи Людовика XIV. «Несомненно, что именно “Мемуары” стали первым литературным выражением мировоззрения Ларошфуко»², которое впоследствии отразилось в знаменитых «Максимах» (1664), закрепивших за их создателем славу признанного писателя-моралиста и блестящего мастера афоризма.

Ларошфуко, как и другие представители французской знати той эпохи, серьезного значения литературному творчеству не придавал, считая его способом проведения досуга. Смысл жизни аристократа он видел в защите интересов монархии и государства, оказавшихся под угрозой в ходе гражданской войны 1648–1653 гг., вошедшей в историю под названием Фронды. Будучи одним из активных ее участников, герцог изложил свое понимание блага Франции и причин противостояния знатных родов политике кардинала Мазарини в «Мемуарах». К их написанию он приступил в изгнании, так как после поражения фрондеров был сослан в свое имение и пребывал вдали от королевского двора. Во Франции второй половины XVII в. лишение аристократа возможности принимать участие в придворной жизни было равнозначно забвению и даже смерти, поскольку существование знати наполнялось смыслом только вблизи монаршей особы. Когда «удаление от мира не объяснялось религиозными соображениями, оно вызывало недоумение и осуждение современников, особенно если человек принадлежал к высшему сословию, чей долг – служить королю и государству. В этом смысле частный человек оказывался тем, кто лишен публичных функций, здесь понятие “частный” смыкалось со своим полным омонимом “лишенный”»³. Аристократы, оказавшиеся в изгнании, были вынуждены искать новые способы самореализации, которые поддерживали бы в

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

них ощущение публичного существования. Одним из таких способов стало мемуаротворчество.

Уже в первом абзаце книги Ларошфуко называет слова «опала» и «досуг», связанные с представлением о состоянии вынужденной праздности, в котором он находился: «Последние годы правления кардинала Мазарини я провел не у дел, на что обыкновенно обрекает опала, тогда я описал те волнения времен Регентства, которые произошли у меня на глазах. Хотя участь моя изменилась, досуга у меня несколько не меньше: я захотел использовать его для описания более отдаленных событий <...>⁴. Подобно другим мемуаристам-фрондерам, работу над воспоминаниями герцог рассматривал как новый вид деятельности, способный не только заполнить свободное время, но возродить ощущение вовлеченности в происходящее и тем самым вернуть его жизни утраченную публичность. Такого рода «заместительная терапия» носила в действительности иллюзорный характер, так как в эпоху Людовика XIV, как пишет М. С. Неклюдова, «структура абсолютной власти предполагала существование только одной публичной фигуры – короля и, соответственно, единственного публичного пространства – двора. Все, что находилось за его пределами, уже не было по-настоящему публичным. Тем самым формирование государства нового типа способствовало артикуляции сферы частной жизни <...>⁵. Этот процесс получил отражение в мемуарах эпохи, в частности в книге Ларошфуко.

Композиционно она состоит из шести частей: две первые повествуют о молодости герцога, части с третьей по шестую представляют собой авторскую версию событий гражданской войны. Следует отметить, что к изложению более ранних по времени эпизодов автор приступил после того, как написал историю Фронды. Иными словами, он создавал первую и вторую части как дополнение к уже написанному тексту. Важным отличием между этими фрагментами мемуаров является форма повествования. В первых двух частях Ларошфуко пишет о себе в первом лице, используя местоимение «я» по отношению как к повествователю, так и герою. В частях с третьей по шестую он называет себя принц де Марсийяк либо герцог Ларошфуко, то есть рассказывает о себе в третьем лице. В. Д. Алташина справедливо утверждает, что с точки зрения биографии героя, «переход от “я” к “он” совпадает с моментом осознания себя как части государства, как человека общественно-го, представляющего не свои личные интересы, но дело определенной группы, которой Ларошфуко был искренне предан»⁶. В мемуарах он выражает характерную для многих противников Мазарини позицию в отношении политики королевского двора, но, вместе с тем, специфика жанра дает ему возможность изложить малоизвестные факты и показать, что сам характер Фронды был во многом предопределен интересами частного свойства. Анализируя причины гражданской меж-

доусобицы, автор сообщает, что большинством ее вдохновителей двигали сугубо личные мотивы: принц Конде опасался намерения сторонников двора его погубить, госпожа де Лонгвиль страшилась возвращения к мужу в Нормандию и «не располагала иною возможностью избегнуть этой столь опасной поездки, как склонив своего брата к гражданской войне» (86), принц Конти считал, что, примкнув к фрондерам, сможет отсрочить принятие «столь нелюбимого им духовного сана» (86), герцог Немур, ревнуя последнего к госпоже де Шатильон, полагал начало военных действий единственным средством разлучить любовников.

Главным проявлением частной жизни в мемуарах герцога становится любовь, впрочем, она постоянно переплетается с политикой. Любовные истории сосредоточены в первой и второй частях книги. Они «разбавляют» мемуарное повествование, делая его более занимательным, разнообразным и динамичным. Значительное место в этих историях отводится женщинам (королеве, госпоже де Шеврез, мадемуазель Отфор, госпоже де Монбазон, герцогине де Лонгвиль). Усиление роли женских образов приводит к развитию авантюрно-приключенческого начала, как в эпизоде о бегстве госпожи де Шеврез в Испанию, а также придает отдельным фрагментам мемуаров галантный характер. Слово «галантный» и его производные встречаются в тексте шесть раз, причем пять из них приходится на две первые части. Такая пропорция наглядно иллюстрирует развитие любовной тематики: ее существенный удельный вес в начале повествования и последующее вытеснение хроникой военных действий в дальнейшем.

Мемуарист строго дозирует информацию, касающуюся галантных приключений, позволяя себе говорить открыто лишь о фактах общеизвестных, например, таких как влюбленность в королеву Ришелье, а затем его преемника Мазарини. О галантной подоплеке отношения кардиналов к Анне Австрийской Ларошфуко упоминает вскользь, явно не намереваясь вдаваться в подробности, поскольку решает другие повествовательные задачи. И все же эти эпизоды выглядят показательными с точки зрения соотношения частного и общественного в жизни родовитого аристократа середины XVII в. В первом случае Анна Австрийская выступает жертвой любовной страсти Ришелье. Молодой Ларошфуко, на тот момент только что вступивший в свет, встает на сторону королевы, как и подобает истинному представителю французской знати. В мемуарах герцог рассказывает о чуть было не осуществленном намерении тайно увезти Анну Австрийскую в Брюссель по ее личной просьбе: «Какие бы трудности и опасности не видел я в таком плане, могу смело сказать, что за всю мою жизнь ничто не доставило мне большей радости. Я был в том возрасте, когда жадно рвутся к делам необыкновенным и поразительным, и находил, что нет ничего заманчивее, как похитить королеву у

короля, ее мужа, и одновременно у кардинала Ришелье, который постоянно преследовал ее своей ревностью» (14). С позиции времени Ларошфуко воспринимает эту идею как чистую авантюру, с облегчением констатируя, что она так и осталась нереализованной. Мемуаристу, умудренному жизненным опытом, очевидно, что в молодости он избежал ненужного риска и опрометчивых поступков, способных воодушевить ложной героикой только юнца, не готового просчитать их драматические последствия и пока еще не вовлеченного в подлинно значимые события государственного масштаба. Автор осуждает кардинала, сочувствует королеве и снисходительно иронизирует над протагонистом. Поведение участников этого эпизода (жестокость Ришелье, искреннее сопротивление королевы, неопытность Ларошфуко) вскрывает его псевдогалантный характер⁷, а оценка повествователя отражает характерный для эпохи приоритет общественной жизни над частной.

В отличие от этой истории, об ухаживаниях за Анной Австрийской кардинала Мазарини, свидетелем которых Ларошфуко стал уже в зрелом возрасте, он судит с позиции взрослого, сложившегося человека, взгляды которого с течением времени не изменились. Мемуарист использует факт любовной связи между королевой и кардиналом для объяснения своей политической позиции в период Фронды. Поскольку в годы гражданской войны именно Анна Австрийская как регент малолетнего Людовика XIV воплощала идею государственности, враждебность по отношению к ней могла быть расценена как государственная измена и покушение на устои монархии. В этой связи прояснение своей позиции в отношении королевы приобретает для автора книги особое значение. Он всячески подчеркивает, что причиной Фронды была ненависть знати и народа к кардиналу, а вовсе не к королеве. Однако развитие любовной связи между ними привело к тому, что Мазарини сделал королеву игрушкой в своих руках, «неограниченно властвовал» (38) над ее волей. В результате Анна Австрийская, по сути, передала кардиналу все властные полномочия. Этот факт предопределил критическую оценку поведения королевы в той части мемуаров, которая посвящена описанию гражданской войны. Используя элементы галантного сюжета, Ларошфуко показывает, как в сознании фрондеров постепенно менялся образ королевы: из символа государственности она превратилась в частного человека, подверженного страстям. Приоритет личных интересов над общественными подвергается авторской критике и трактуется как одна из причин трагических поворотов истории, постигших Францию в годы Фронды.

В «Мемуарах» упоминается и о других широких известных современникам галантных приключениях. В число таковых попадают перипетии трагической страсти и судьбы Сен-Мара, подробно воссозданные спустя полтора столетия в романе

Альфреда де Виньи «Сен-Мар» (1826), история с подвесками – подарком Анны Австрийской влюбленному в нее герцогу Бэкингеми, которая воспроизводится в нескольких мемуарных источниках, а в XIX в. получает широкую известность благодаря «Трем мушкетерам» (1844) Александра Дюма, наконец, рассказ о потере любовных писем, также получивший отражение в мемуарах эпохи и использованный мадам де Лафайет в романе «Принцесса Клевская» (1678). По словам Ларошфуко, последний из перечисленных эпизодов наделал при дворе много шума и дал Мазарини удобный повод усилить рознь в лагере своих противников-фрондеров. И все же для мемуариста он приобретает особое значение не только по этой причине. Автор книги был его непосредственным участником, поскольку знал, кому в действительности принадлежали потерянные письма. «Тот, кто обронил письма, – сообщает он, – был моим другом, любившим написавшую их» (33). Однако имена маркиза де Молеврие и мадам де Фукероль так и остаются в тексте не названными. Как человек чести, герцог продолжает хранить доверенную ему тайну и ограничивается намеком. Честность для Ларошфуко-мемуариста предполагает любовь к правде, однако не означает абсолютной откровенности, проявления которой, как он пишет в «Размышлениях на разные темы», следует «поставить <...> пределы, дабы она не нарушала правил порядочности и верности»⁸.

Этому принципу Ларошфуко следует и при описании своей частной жизни. В «Мемуарах» заходит речь о его отце, жене, сыновьях, некоторых других родственниках и близких людях. Однако эта информация ничем не выделяется на фоне общей довольно сдержанной тональности повествования. Сведения о близких герцог сообщает предельно скупое, говоря о них как о людях сторонних, равных в ряду других персонажей книги. Он дважды упоминает о жене, но при этом даже не называет ее имени. Так, Ларошфуко говорит о болезни супруги, казалось бы, приоткрывая завесу частного, но в действительности используя эту информацию для формального обоснования своего отъезда в родовое поместье, на деле необходимого для обеспечения связи между королевой и госпожой де Шеврез. Еще раз слово «жена» появляется в тексте в тот момент, когда речь идет о желании протагониста добиться герцогских привилегий, в том числе «права табурета» для своей супруги. В обоих случаях жена попадает в поле зрения повествователя не специально, а в силу логики развития той или иной авторской мысли, не связанной с проблемами частного характера. То же справедливо в отношении других членов семьи герцога, например сына, названного в числе прочих участников сражения в Сент-Антуанском предместье. В перечислительном ряду он говорит и о бедственном положении своих ближайших родственников по окончании военных действий

в Бордо, включая сведения личного характера в цепочку других плачевных ее последствий: «...мать, жена и дети герцога Ларошфуко были лишены крова <...> его поместья подверглись разграблению, а дома были скрыты» (71). В мемуарах есть единственное оценочное суждение, проливающее свет на семейную жизнь автора. Рассказывая о своей ссылке в родовое имение, он утверждает, что «был счастлив в семейном кругу» (18). О том, что представлял собой этот круг и в чем заключалось его счастье, повествователь умалчивает, прибегая к общепринятой обобщающей формуле, лишенной какой бы то ни было конкретики.

Избранную мемуаристом тактику в изображении частной жизни особенно показательно иллюстрирует образ герцогини де Лонгвиль, с которой в течение многих лет Ларошфуко состоял в любовной связи. Однако в книге она предстает не возлюбленной, а одной из активнейших участниц Фронды. Читатель, не знакомый с биографией герцога, вряд ли сможет по мемуарам составить представление о подлинной природе его взаимоотношений с госпожой де Лонгвиль. Ларошфуко лишь в общих чертах дает понять, когда между ними зародилось чувство, но в дальнейшем просто констатирует свое «сближение с герцогиней» (37), «полным доверием» (38) которой он пользовался на начальном этапе Фронды. При этом его позиция в ходе разногласий между фрондерами по поводу необходимости военных действий объясняется намеком на любовную связь с герцогиней. Мемуарист пишет, что в то время «не мог с такой же откровенностью говорить о своем отвращении к войне: он связал себя словом разделять взгляды г-жи де Лонгвиль, и единственное, что тогда было в его возможностях, – это попытаться убедить ее желать мира» (87). Согласно поведенческому кодексу эпохи, любовь к герцогине делала для Ларошфуко обязательной защитой ее интересов. Отступить от возлюбленной, открыто противоречить ее желанию развязать войну было для него равносильно потере чести, важнейшей для аристократа ценности, более дорогой, чем сама жизнь. В этом смысле он вел себя согласно формуле корнелевского героя Родриго:

Бесчестье равное волочит за собой
Тот, кто предаст любовь и кто покинет бой⁹.

Ларошфуко предпочитает не говорить о своих взаимоотношениях с госпожой де Лонгвиль напрямую. Так, во второй части он вскользь сообщает о ее беременности, но только посвященный читатель поймет, что речь идет о скором появлении на свет внебрачного сына мемуариста графа де Сен-Поля. Что же касается момента разрыва с сестрой Великого Конде, вызванного ее влюбленностью в герцога Немура, то он и вовсе остается за пределами книги. Слабой отсылкой к

этому событию служит, по мнению французских исследователей¹⁰, фраза, в которой Ларошфуко, объясняя причины раздоров среди сторонников партии принца весной 1652 г., заявляет о своем нежелании входить «в подробности относительно многого, о чем писать невозможно» (119). Он обходит молчанием глубоко личный и драматический по своему характеру биографический момент. Не выставляя на показ свои человеческие чувства, Ларошфуко изображает госпожу де Лонгвиль с позиции объективного наблюдателя, оценивающего роль личности в гражданской смуте. Такая установка дает ему право показать, насколько действия герцогини оказались пагубны для противников Мазарини. Мемуарист пишет о ее попытках примириться с двором, переманить на свою сторону часть фрондеров, договориться с испанцами. В конечном итоге под предлогом прояснения скрытых причин событий он сообщает, что госпожа де Шатильон «заставила г-на де Немура разорвать связь с г-жой де Лонгвиль: она пожелала сверх того отстранить г-жу де Лонгвиль от вмешательства в руководство делами и единолично определять, как надлежит действовать принцу и чего ему домогаться» (133). Не касаясь напрямую своих личных обид, но используя аналитические возможности, заложенные в мемуарном жанре, Ларошфуко дает понять, что его бывшую возлюбленную постигла та же участь, на которую она обрекла его самого. Маскируя частное под публичное, он косвенно выражает свое изменившееся отношение к госпоже де Лонгвиль, оставаясь при этом в границах приличий.

Во французских мемуарах второй половины XVII в. повodom коснуться личного и приоткрыть внутренний мир автора становятся рассказы о потере близких¹¹. Хотя формальные поводы для подобного расширения пространства частной жизни в книге Ларошфуко встречаются несколько раз, такой возможностью он не пользуется. Так, например, в третьей части мемуарист сообщает о смерти своего отца, но лишь для того, чтобы обратить внимание читателя на изменение имени протагониста. Он вплетает это известие в сложноподчиненное предложение о местонахождении сторонников партии принца, по смыслу не имеющее никакого отношения к потере родного человека: «Принц Марсийяк, который вследствие кончины его отца, последовавшей в это самое время, будет отныне именоваться герцогом Ларошфуко, находился в своих владениях в Ангумуа, герцог Сен-Симон – в Бле, комендантом которого он был, а маршал Лафорс – в Гиени» (60). Чуть ниже по тексту он вернется к факту смерти отца, но вновь для того, чтобы донести информацию иного рода, а именно показать, как похороны Ларошфуко-старшего стали удобным предложением для созыва и объединения знати в борьбе за освобождение принца Конде. Еще об одной смерти близкого родственника – млад-

шого брата герцога – речь идет в пятой части мемуаров. На этот раз повествователь уделяет внимание личности погибшего, но ограничивается краткими и общими формулировками, не позволяющими увидеть ни своеобразие его характера, ни отношение к нему самого Ларошфуко. Дух эпохи, пронизанный необходимостью подчинять частное общему, ведет мемуариста к выбору наиболее приемлемой формы выражения личного. Он использует обобщающее слово, как бы включая себя в число других людей, испытывавших похожие чувства: «Все, знавшие шевалье, имели основания его оплакивать, ибо, не говоря уж о том, что у него были все необходимые для человека его положения качества, немного найдется людей столь юного возраста, которые явили бы столько свидетельств безупречности поведения, преданности и бескорыстия и притом в столь важных и опасных обстоятельствах, какие выпали на его долю» (103).

Таким образом, в «Мемуарах» Ларошфуко, созданных в атмосфере абсолютистской идеологии, интересы личного характера оцениваются как второстепенные по отношению к общественно значимым, а частная жизнь только начинает проникать в ткань повествования. В первых двух частях ее удельный вес выше, чем в четырех последующих, что дополнительно подтверждает переход Ларошфуко от использования местоимения «он» к «я» в процессе работы над мемуарами. Такое изменение служит свидетельством постепенного отхода автора от модели хроникального повествования и становится формальным маркером усиления его интереса к частному. Касаясь этой новой для мемуаристики сферы, Ларошфуко руководствуется представлениями своего сословия о нормативном поведении и прибегает к самоцензуре. В результате в повествовании о

частной жизни преобладает тактика намеков и умолчаний, а также используются характерные для эпохи формулы обобщающего характера и широко известные галантные истории, литературная обработка которых впоследствии будет способствовать становлению жанра романа.

Примечания

- 1 См. об этом: *Lafond J. Préface // La Rochefoucauld F. de. Mémoires. Paris, 2006. P. 7–8.*
- 2 *Разумовская М. Жизнь и творчество Франсуа де Ларошфуко // Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. Л., 1971. С. 250.*
- 3 *Неклюдова М. Искусство частной жизни : Век Людовика XIV. М., 2008. С. 60–61.*
- 4 *Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. Л., 1971. С. 5. Здесь и далее текст цитируется по этому изданию с указанием номера страницы в скобках.*
- 5 *Неклюдова М. Указ. соч. С. 63.*
- 6 *Алташина В. Поэзия и правда мемуаров (Франция, XVII–XVIII вв.). СПб., 2005. С. 36.*
- 7 О природе истинной галантности см.: *Viala A. La France galante. Essai historique sur une catégorie culturelle, de ses origines jusqu'à la Révolution. Paris, 2008 ; Павлова С. Ю. Две модели галантности в «Мемуарах» Бюсси-Рабютена // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 40–46.*
- 8 *Ларошфуко Ф. де. Размышления на разные темы // Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. С. 210.*
- 9 *Корнель П. Сид. М., 1955. С. 47.*
- 10 См.: *Lafond J. Notes // La Rochefoucauld F. de. Op. cit. P. 310.*
- 11 См. об этом: *Lesne-Jaffro E. Les lieux de l'autobiographie dans les mémoires de la seconde moitié du XVIIe siècle // Autobiographie en France avant Rousseau. Cahiers de l'Association internationale des études françaises. № 49. Paris, 1997. P. 204–206.*

УДК 821.161.1.09-31+929 Пушкин

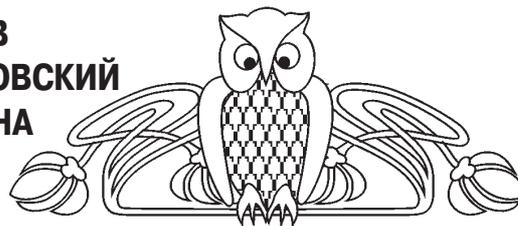
«СТАРИННЫЙ РУССКИЙ БАРИН» ТРОЕКУРОВ И «СТАРИННЫЙ ДВОРЯНИН» АНДРЕЙ ДУБРОВСКИЙ В ВАРИАНТАХ АВТОГРАФА РОМАНА ПУШКИНА «ДУБРОВСКИЙ»

М. С. Кислина

Саратовский государственный университет
E-mail: mariyakislina@rambler.ru

В статье сопоставляются варианты автографа романа Пушкина «Дубровский», касающиеся образов старших представителей дворянского сословия. Текстуальный анализ вариантов позволяет выявить процесс воплощения художественного замысла.

Ключевые слова: Пушкин, роман, варианты автографа, дворянство, образы помещиков.

An «Old-time Russian Master» Troyekurov and an «Old-time Nobleman» Andrei Dubrovsky in the Variants of Pushkin's Autograph of the Novel *Dubrovsky*

M. S. Kislina

The article compares the variants of Pushkin's autograph of the novel *Dubrovsky* concerning the images of the elder representatives of the nobility. Variants' textual analysis allows to reveal the process of artistic idea implementation.